

МУЗЕЙ МХАТ был бы похож на все музеи, если бы не одно обстоятельство: поднимаясь по лестнице наверх, попадаешь в школу-студию Художественного театра. И атмосфера молодости, горячих споров в минуты перемен, звонкие голоса — все это заставляет воспринимать как что-то очень живое, современное страницы биографии, ставшей темой исследований, вошедшей в тома собрания сочинений, в тысячи статей, диссертаций, научных трудов...

Жизнь Станиславского... Конечно, именно в музее МХАТ любовно собрано, сохранено то, что рассказывает об этом удивительном, своеобразном, неповторимом человеке, которому одинаково воздают должное ученики и противники, друзья и недруги. Да, даже люди, привыкшие не соглашаться с ним, не остаются равнодушными к его одержимости искусством, к его вере в человека, к его наследию. А что касается друзей, то, может быть, наиболее верную мысль высказал недавно известный итальянский актер, режиссер, драматург Эдуардо де Фелиппо: «Учение Станиславского о театре — вот та основа, на которой могли бы объединиться все театры мира, стремящиеся к настоящему искусству».

...Маленькие комнаты музея — точно страницы книги, которую любишь и помнишь, «Моя жизнь в искусстве». Кажется, именно здесь находили иллюстрации к каждой ее главе: «Артистическое детство», «Артистическое отрочество»...

К 100-летию со дня рождения К. С. Станиславского

ЖИЗНЬ В ИСКУССТВЕ И ДЛЯ ИСКУССТВА

«Артистическое отрочество»... юность... зрелость... пылкий и острый взгляд юноши — гимназиста Кости Алексеева замечаешь потом во множестве портретов иной поры.

Театром, любовью к нему, восторгом от его необычности, праздничности была насыщена вся эта жизнь — сначала мальчика, потом любителя-артиста, потом — режиссера, создателя МХАТ, создателя системы Станиславского — учения о жизни, о поведении актера на сцене.

На стендах музея — рукописная афишка, сообщавшая о первом любительском спектакле, «Семейном спектакле» молодых Алексеевых, состоявшемся на даче в Любимовке под Москвой.

Уже тогда, в те далекие годы, К. С. Станиславский начинает записывать то, что думает о театре, о спектаклях, о сыгранных ролях. Около 120 записных книжек, хранящихся в архиве музея и расфигурованных за последние годы, — это интереснейшая творческая лаборатория замечательного реформатора сцены.

Всю жизнь Станиславскому сопутствуют зоркость в поисках, бескомпромиссность в оценках. Только начал свои спектакли любительский кружок общества

искусства и литературы, созданный Константином Сергеевичем и его друзьями — режиссером А. Ф. Федотовым и Ф. П. Комиссаржевским, сыграны спектакли, принесшие славу молодым его участникам. В прессе появляются статьи, подобные рецензии в «Новостях дня» за 1891 год: «Я утверждаю, что никто и никогда не видел такого образцового исполнения у любителей». Снимки этих образцовых актеров М. П. Лилиной, М. Ф. Андреевой, В. В. Лужского, Г. С. Бурджалова и других мы видим на стендах музея. Здесь и фотографии сцен из спектаклей — «Плодов просвещения» Толстого — первого режиссерского опыта К. С., «Уриеля Акосты» Гуцкова, «Отелло» Шекспира и других.

Это было лишь начало. А молодой создатель кружка записывает для себя: «...Конечно, тот путь самый верный, который ближе ведет к правде, к жизни. Чтобы дойти до этого, нужно знать, что такое жизнь и правда. Вот она, моя задача: узнать сначала и то и другое». Эти слова Константина Сергеевича из его записной книжки 1889 года всегда оставались его девизом. Они были тем первым камнем, который К. С. Станислав-

ский и В. И. Немирович-Данченко заложили в фундамент своего нового театра — МХАТ. Здесь, в музее, бережно хранится все, что связано со встречей двух этих крупнейших деятелей русской сцены. Визитная карточка Немировича-Данченко, приглашавшая Станиславского встретиться в «Славянском базаре». Снимки дощатого сарая в Пушкине, где шли репетиции первых спектаклей. Фотографии молодых актеров, ставших славой русского искусства — И. М. Москвина, О. Л. Книппер, В. Э. Мейерхольда... Устав общедоступного театра... Вспоминаются слова К. С. Станиславского из его книги «Моя жизнь в искусстве»: — «Программа начинающегося дела была революционна. Мы протестовали и против старой манеры игры, и против театральности, и против ложного напыления, декламации, и против актерского наигрыша, и против дурных условностей постановки, декораций, и против премьерства, которое портило ансамбль, и против всего строя спектаклей...»

Вся огромная жизнь, воспроизведенная здесь, на этих стендах, в афишах, альбомах, в газетных рецензиях, в сборниках статей — вся она была борьбой за новый

театр, за театр о человеке и для человека.

Уже в своей речи перед открытием МХАТ 14 октября 1898 года Станиславский так определил эту задачу театра: «Не забывайте, что мы стремимся осветить темную жизнь бедного класса, дать им счастливые эстетические минуты среди той тьмы, которая окутала их». Этой цели, иногда ошибаясь, заблуждаясь, порой ощупью ища верный путь, всегда следовал человек, о котором каждым своим экспонатом, каждым снимком, каждым документом рассказывает музей К. С. Станиславского.

Да, многие открытия, многие находки кажутся нам теперь давно известными, освоенными истинами. Воплощение замысла режиссера, атмосфера спектакля, подготовка народных сцен, сквозное действие, целостность актерского образа — все эти понятия, вошедшие в жизнь театра благодаря Станиславскому, давно стали достоянием не только деятелей сцены, но и зрителей, и любителей театра. Они возникали впервые в этих пухлых режиссерских сценариях, в кратких заметках на полях, в беглых пометках, набросанных наскоро, почерком спеша-

щего человека. Они стали спектаклями, книгами, принципами, этикой нашего театра. Мы знаем, что все меньше остается тех, кто видел чеховскую «Чайку», первые спектакли по пьесам Горького, даже «Бронепоезд 14—69». Поэтому особенно дороги нам сейчас экспонаты музея, сохранившие память о них. Но еще дороже то, что никогда не станет достоянием только истории и найдет свое место только в музее.

Это — направление, названное школой Станиславского, направление, за которое он воевал и ратовал, для которого работал — и здесь, во МХАТе, и в студиях, и дома в Леонтьевском, за письменным столом. Это направление, названное «искусством сценического переживания», искусством органического творчества. С ним можно соглашаться и спорить, его можно принимать и отвергать. Невозможно одно — забыть о нем.

О нем напоминают и молодые голоса будущих актеров, которых готовит школа-студия. Им также предстоит жить в искусстве. Они, вероятно, готовы жить так, как прожил свою жизнь человек, без которого трудно представить себе театр современный и театр будущий — Константин Сергеевич Станиславский.

Т. СТРИКОВСКАЯ,
корр. ТАСС.

Москва.

щего человека. Они стали спектаклями, книгами, принципами, этикой нашего театра.

Мы знаем, что все меньше остается тех, кто видел чеховскую «Чайку», первые

„ЛЕНИНСКАЯ ПРАДА“
ПЕТРОВАВСКАЯ

25 ДЕНЬ 1962